

Бугаец Алексей Анатольевич

старший преподаватель кафедры журналистики
и русской литературы XX века
Кемеровского государственного университета

**ОППОЗИЦИОННАЯ ПРЕССА
КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ
(2002–2006 ГГ.): К ВОПРОСУ
О КОНСТРУКТИВНОСТИ КРИТИКИ**

Аннотация:

В статье рассматривается качественный аспект критической информации, предлагаются критерии конструктивной критики. На их основе анализируется содержание материалов оппозиционных периодических изданий Кемеровской области в 2002–2006 гг. Делается вывод о преобладании в материалах журналистов деструктивной критики.

Ключевые слова:

демократический режим, власть, политический процесс, оппозиционные издания, журналисты, деструктивная критика, качество информации.

Bugayets Alexey Anatolyevich

Senior Lecturer, Journalism and Russian Literature of
the 20th Century Department,
Kemerovo State University

**OPPOSITIONAL PRINTED MEDIA OF
THE KEMEROVO REGION
IN 2002–2006: CONCERNING
EFFICIENCY OF CRITICISM**

Summary:

The article considers a qualitative aspect of the critical information. The author suggests criteria of positive criticism, basing upon which the content of the oppositional printed media of the Kemerovo region in 2002–2006 are studied. It is deduced that the negative criticism predominates in the journalists' articles.

Keywords:

democracy, power, political process, oppositional media, journalists, negative criticism, quality of information.

Вовлечение широких масс в политический процесс, а значит, и реальное функционирование демократического режима возможно лишь в том случае, если в обществе налажено полноценное информирование граждан обо всем, что происходит.

Под «полноценным» мы имеем в виду качественное информирование. В количественном отношении информация давно в избытке. По словам А.А. Зиновьева, не меньше, чем отходами от индустрии, планета захламлена сведениями, не имеющими ценности [1, с. 386–389]. Качество же информации, ее значимость определяется содержанием, которое должно быть наполнено, помимо прочего, разнообразными точками зрения, оценками, ответами на волнующие людей вопросы.

О чем знают граждане, в большой степени зависит от СМИ. Особую роль, как нам представляется, играют периодические печатные и электронные издания, поскольку в отличие от телевидения и радио к ним редко обращаются случайно, одеваясь на работу или перемещаясь в транспорте. Они рассчитаны на активное восприятие, отсюда потребителями сообщений становятся более рациональные субъекты с высоким уровнем политической мотивации, в том числе «продвинутые» избиратели [2, с. 168].

Наиболее значима деятельность тех изданий, которые традиционно именуют оппозиционными, ведь отнюдь не нейтральные или хвалебные сообщения ориентируют лучше всего. Критические материалы позволяют населению составлять собственное мнение об эффективности и пользе управленческой деятельности, решать, заслуженно ли находятся у власти политические лидеры, и нет ли необходимости в их смене. В конечном счете, критика мотивирует граждан к политическому участию или отказу от него.

В Кемеровской области в период 2002–2006 гг. активными субъектами политического процесса были сразу три оппозиционных региональных издания: «Край», «Российский репортер», «Наша газета». Из них, по меньшей мере, два («Край» и «Российский репортер») подчеркнуто дистанцировались от каких-либо политических и общественных объединений, от заинтересованных персон, объявляли себя независимыми, защищающими обычных людей от злоупотреблений власти. В то же время во многих других регионах оппозиционные издания чаще выражали волю того или иного протестного движения («Красноярская газета», новосибирская «За народовластие») или конкретных лиц («Томская неделя») [3]. Имеется мало данных о наличии в других субъектах федерации более одного официально не ангажированного издания (например, «Новосибирский комсомолец», мурманская «Разум и революция») [4].

Третье оппозиционное издание Кемеровской области, «Наша газета», не декларировало принадлежность к какой-либо группе, но по тому, как часто в ней предоставлялось неоплачиваемое (по крайней мере, так выглядело) место представителям партии «Союз правых сил»,

можно предполагать определенную установочность во взглядах. Причем эта газета выпускалась и раньше 2002 г. «Край» и «Российский репортер» начали выходить в 2002 и 2003 гг. соответственно, но к 2006 г. обе газеты выпуск фактически прекратили. «Российский репортер» был преобразован в интернет-версию с утратой региональной специфики.

Присутствие названных изданий в публичной сфере стало заметным явлением и в регионе, и на уровне всей страны, оставило не только след в политической истории, но и обнажило противоречивый характер реального отношения власти субъекта федерации к свободе слова, к демократии как таковой, продемонстрировало ее роль в политическом развитии.

Следует отметить, что в 90-х гг. во многих СМИ Кузбасса допускались критические оценки действий власти, хотя достаточно редко и сдержанно. К 2002 г. правящей группой были приняты меры, рассчитанные на централизацию информационной политики, на внедрение «трансляционной» системы коммуникации – в режиме монолога, чтобы читатель (зритель-слушатель) получал преимущественно удобные для власти сообщения. В частности, инициирована смена собственников авторитетной областной газеты «Кузнецкий край», редакция которой позволяла себе критику чаще других: «Это издание никогда не было ни верноподданническим, ни оппозиционным. Эта была просто нейтральная газета. И вот выяснилось, что даже это ей не позволено. В этом ее грех. И коллектив задавили» [5]. Лишившийся своего места редактор (Е.А. Богданов) при поддержке единомышленников, по собственному же признанию, в пику инициаторам смены собственников, решил издавать газету «Край», которая стала придерживаться отчетливой оппозиционной линии.

Журналист объясняет свою позицию так: «Главное – власть теперь может спать спокойно и не нервничать по утрам у почтового ящика. И доброго бы ей здоровья и хорошего аппетита к завтраку, обеду и ужину. Но она же еще и руководит! И иногда, случается, невпадет – не нарочно, конечно, будем милостивы. Но как, однако, быть тем, у кого от таких ненарочных невпадов случатся рези в глазах, давление в темечке и колики в желудке? Как таким несчастным подать сигнал бедствия?» [6]. Будущая газета, таким образом, замышлялась средством обратной связи населения с властью.

2002–2006 гг. в Кемеровской области фактически стали временем, когда независимо настроенные журналисты пытались противостоять авторитаризации, стремились организовать социальный диалог. Периодом определения, может ли интересы общества представлять и защищать кто-нибудь еще, кроме самой власти. Вполне закономерно, что оппозиционная пресса сразу же начала подвергаться всевозможным формам административного давления, и в конечном итоге проиграла в своем противостоянии. Одной из немаловажных причин проигрыша, как видится, послужило отсутствие достаточной общественной поддержки журналистов. Вполне вероятно, что они могли бы продолжать свою работу, если бы газеты являлись прибыльными, пользовались достаточным спросом.

Мы решили проверить, удовлетворяло ли содержание журналистских материалов оппозиционных газет требованиям качества, то есть, была ли критика конструктивной, или же она ограничивалась традиционной обвинительной риторикой, что в том числе могло отразиться на спросе.

Деструктивная критика, на наш взгляд, – это коммуникация в режиме конфронтации. Она может спровоцировать проявление агрессивных тенденций или, напротив, подавить адекватную политическую активность, приучив человека к беспомощности. Как показали многочисленные эксперименты, проведенные под руководством американского психолога М. Селигмана, автора концепции «выученной беспомощности», источником пассивности служит знание о том, что внешние события не зависят от человека, и он ничего не может сделать, чтобы предотвратить или видоизменить эти события [7, с. 79–92].

Конструктивная критика, которая может способствовать формированию активной политической позиции, должна соответствовать следующим критериям:

- в журналистском материале помимо информации об угрозе обществу (гражданину) сообщаются разные варианты решения проблемы, возможные выходы из сложной ситуации;
- приводятся примеры продуктивной активности;
- подчеркивается временный характер угрозы;
- пример успешного разрешения проблемной ситуации объясняется наличием у гражданина необходимых способностей, приложенными усилиями;
- неудача объясняется стечением обстоятельств, подчеркивается ее временность;
- **отсутствуют представления о бессмысленности сопротивления внешнему воздействию, нарушению прав (например, чиновниками-бюрократами); о беспомощности, бессилии;**
- **дается ориентировка на будущее (ответ на традиционное «что делать»).**

Наличие таких данных может стимулировать позитивные эмоциональные состояния, которые настраивают на политическую активность, побуждают интенсифицировать усилия. Рефлексивный узнает о способах удовлетворения потребности, адаптируется к среде.

Признаки деструктивной критики:

– угроза интересам гражданина носит постоянный, а не временный характер, она неустраима, какую бы активность человек не проявлял;

– положительный пример устранения угрозы рассматривается автором как случайность, как исключение из правил, ставшее возможным благодаря счастливому стечению обстоятельств;

– **ориентировка на прошлое (концентрация на поиске того, «кто виноват»).**

Внимание реципиента сосредотачивается на том, что потребность остается не удовлетворенной. Такая информация, мы полагаем, несет в себе дезадаптирующий потенциал.

Как отреагирует читатель на критический материал, будет ли его реакция носить созидательно-активирующий или агрессивно-оборонительный потенциал, все это, по нашему мнению, определяется политикой редакции: старается она наладить взаимообмен информацией – диалог – или же нацелена на одностороннюю презентацию, пропаганду идей – монолог.

Чтобы определить, какие черты – диалога или монолога – в действительности были присущи критической информации в оппозиционных изданиях Кемеровской области, мы проанализировали содержание материалов (преимущественно аналитических), направленных против представителей власти (опубликованы в 2002–2006 гг.). Всего проанализировано 1 502 публикации, из которых:

– 621 материал вышел в «Нашей газете» (брались все номера за 2002–2006 гг.);

– 631 – в газете «Край» (все номера за 2002–2005 гг., до момента прекращения выпуска издания),

– 250 – в газете «Российский репортер» (все номера за 2003–2005 гг., период существования печатной версии).

Для решения поставленной задачи мы воспользовались разновидностью метода интен-анализа, которую предложил В.В. Латынов для изучения текстов СМИ [8]. Разработанную им методику модернизировали, исходя из целей собственного исследования.

Все признаки адаптирующей и дезадаптирующей информации были объединены в два «силовых» фактора, соответствующих классическим вопросам «кто виноват» и «что делать». Для измерения воспользовались шкалой интервалов: оценка сообщений оппозиционных газет производилась в диапазоне от –1 до +1. Во-первых, оценивалось, содержит ли информация ответ на вопрос «кто виноват» (в координатной плоскости данному фактору соответствует ось ординат – у). Если в материале указывалось конкретное лицо, виновное в нарушении прав граждан, а также описывалось, какие его действия привели к негативному результату, то сообщению присваивалась оценка +1. Отсутствие конкретизации, кто виноват в нарушении прав, ущемлении интересов, при наличии сведений, к какому органу (ветви) власти может принадлежать виновное лицо («администрация президента», «администрация области», «депутаты государственной думы» и прочее), давало основание выставить 0. При наличии абстрактных обобщенных обвинений («власть», «чиновники», «бюрократы» и т.п.) сообщению присваивалась оценка –1.

Во-вторых, оценивалось, содержит ли информация ответ на вопрос, «что делать» (ось абсцисс – х). Когда в материале предлагался конкретный план действий, приводился пример, как некий субъект успешно справился с ситуацией, добился защиты своих интересов, победил в противоборстве с властью, сообщению ставилось +1. При одной лишь констатации факта нарушения интересов представителями власти, описании конфликта – 0. Такая же оценка выставлялась и в том случае, если речь шла об успешном разрешении ситуации, но успех объяснялся случайностью, стечением благоприятных обстоятельств. Когда же автор говорил о бессмысленности проявления политической активности, безнадежности действий граждан в защиту своих интересов, об отсутствии у них возможностей и способностей, сообщению ставился –1. Значения по каждому фактору суммировались, затем данные усреднялись.

Материалы также дифференцировались по уровням власти: федеральный, региональный, муниципальный (органы местного самоуправления), смешанный – когда критике подвергались представители сразу нескольких уровней.

Исходный посыл: качественный – диалогичный – характер критика будет иметь в том случае, если в выступлениях даются содержательные (со знаком плюс) ответы на «извечные вопросы русской интеллигенции». В прямоугольной системе координат – это первый координатный угол.

Результаты анализа представлены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1 – Содержание критических материалов оппозиционных изданий Кемеровской области

Издание	«Кто виноват»			Σ	«Что делать»			Σ
	Диалог	Монолог			Диалог	Монолог		
	+1	0	-1		+1	0	-1	
Наша газета	88	302	231	621	34	500	87	621
Край	218	220	193	631	30	410	191	631
Российский репортер	121	83	46	250	1	10	239	250
Σ	427	605	470	1502	65	920	517	1502

Таблица 2 – Содержание критических материалов оппозиционных изданий Кемеровской области (в % к числу проанализированных публикаций)

Издание	«Кто виноват»			Σ	«Что делать»			Σ
	Диалог	Монолог			Диалог	Монолог		
	+1	0	-1		+1	0	-1	
Наша газета	14	49	37	100	5	81	14	100
Край	34	35	31	100	5	65	30	100
Российский репортер	48,4	33,2	18,4	100	0,4	95,6	4	100
Вся совокупность	28,4	40,3	31,3	100	4,3	61,3	34,4	100

Выводы.

Критические выступления в целом в трех изданиях не носят выраженного персонифицированного характера (+1 по фактору «кто виноват» = 28,4 %). Соответственно доля «монокоммуникации» составляет в них 72,6 %. Чаще всего из содержания журналистских материалов можно установить лишь то, к какому органу (ветви) власти принадлежит объект критики (0 по фактору «кто виноват» = 49 %). Более трети материалов содержит абстрактную критику – власти вообще, что явно свидетельствует в пользу обвинительного монолога.

Из содержания критических сообщений почти невозможно почерпнуть информацию о том, как вести себя, чтобы избежать негативных последствий во взаимодействии с властью (+1 по фактору «что делать» = 4,3 %). В большинстве случаев журналисты просто описывают, а не анализируют конфликтные ситуации (0 по фактору «что делать» = 61,3 %). Нередко до аудитории доводится мысль о бесполезности и бессмысленности какой-либо политической активности, невозможности противодействия произволу власти (-1 по фактору «что делать» = 34,4 %).

Усредненные оценки по каждому фактору – в таблице 3.

Таблица 3 – Оценки содержания критики

Издание	Усредненные значения	
	«Кто виноват»	«Что делать»
Наша газета	-0,23	-0,09
Край	0,04	-0,26
Российский репортер	0,3	-0,04
Вся совокупность	-0,05	-0,3

Усредненные данные в целом по трем изданиям заняли место в III координатном углу, зеркально отражающем пространство социального диалога – I координатный угол.

I координатный угол должны составлять сообщения о том, как удовлетворить потребность, а значит, они могут способствовать мотивации политической активности; III координатный угол – сообщения о том, что потребность не удовлетворена, они могут тормозить политическую активность (апатия) или провоцировать стихийное политическое участие (бунт).

Как видим, «кто виноват» (ось ординат) = -0,05; «что делать» (ось абсцисс) = -0,3.

Координатную плоскость можно рассматривать в качестве своеобразной ментальной карты, на которой наглядно отражаются социальные представления, транслировавшиеся оппозиционными изданиями Кемеровской области. Читатель получал представление об абстрактных противниках из властных структур, и не узнавал, как эффективно противодействовать нарушениям с их стороны. То есть, в нашем понимании, преобладала деструктивная критика.

Направленность критики (в чей адрес): данные приведены в таблицах 4.

Таблица 4 – Критикуемые уровни власти

Издание	Объекты критики:				Σ
	Местное самоуправление	Региональная власть	Федеральная власть	Смешанные уровни	
Наша газета	29	63	491	38	621
Край	83	288	167	93	631
Российский репортер	53	127	38	32	250
Σ	165	478	696	163	1502

Таблица 5 – критикуемые уровни власти (в % к числу проанализированных публикаций)

Издание	Объекты критики:				Σ
	Местное самоуправление	Региональная власть	Федеральная власть	Смешанные уровни	
Наша газета	5	10	79	6	100
Край	13	46	26	15	100
Российский репортер	21	51	15	13	100
Вся совокупность	11	32	46	11	100

Журналисты трех вместе взятых изданий более всего критиковали представителей власти федерального уровня (46 %). Менее удавалось критиковать региональную власть (32 %). Самая незначительная доля критических сообщений обращена в сторону органов местного самоуправления, что говорит о заметной удаленности авторов от читателей.

Содержание критики в каждом из трех изданий имеет различия. Журналисты «Нашей газеты» более склонны к безличным и абстрактным обвинениям. Основным объектом для критики они избрали федеральный уровень власти: Государственную думу Федерального собрания РФ, Правительство РФ, Администрацию Президента РФ, «чиновников» и «бюрократов» вообще. Это, с одной стороны, дает преимущество в том, что имеются минимальные шансы испытать на себе давление со стороны задетых, но наделенных полномочиями героев критики. Не случайно за проанализированный период практически не встретилось сообщений о каких-либо фактах преследования редакции газеты и ее авторов. С другой стороны, такая политика существенно снижает интерес к изданию со стороны аудитории и, следовательно, влечет его финансовую несостоятельность.

Газета «Край» в своих обвинениях более целенаправленна, критика распределяется примерно поровну – треть на конкретных лиц, треть – на неназываемых представителей органов власти регионального уровня, еще треть – на абстрактную власть. В сравнении с другими изданиями в «Крае» гораздо чаще проводится мысль о бесцельности, бессмысленности и бесполезности политической активности. Однако сообщения отличаются большей умеренностью, глубиной анализа и обоснованностью. Один из главных объектов критики – губернатор Кемеровской области, остальные персонажи заслуживают внимания по мере появления информационных поводов.

Персонализация и пространственная близость критикуемых (а значит, возможность объектов критики знакомиться с существом обвинений) совпадает с разного рода инцидентами, давлением на творческий коллектив. Тем не менее, редакции удается довольно долго и относительно успешно противостоять воздействию, чему способствует моральная и отчасти материальная поддержка со стороны аудитории. О чем неоднократно упоминается на страницах еженедельника.

«Российский репортер» сосредоточен на обвинениях конкретных лиц, однако издание, на наш взгляд, в наименьшей степени придерживается диалогичной коммуникации. Сообщения ограничиваются крайне агрессивными и зачастую малообоснованными описаниями пороков отдельных взятых персонажей, преимущественно чиновников регионального уровня. В рассуждениях журналистов распространены нарушения логических конструкций, оценкам присуща предвзятость. Любой внешний негативный факт сразу же объясняется внутренними причинами – коррупцией чиновников и продажностью власти, без лишнего обоснования такого мнения. Заметно, что менее всего авторы заинтересованы рассказывать читателям, как противостоять угрозам.

Агрессивная манера критики положительно коррелирует с частотой применявшихся к редактору и редакции мер воздействия. Поддержка же аудитории, к которой настойчиво апеллировал редактор, оказалась недостаточной для эффективного противостояния внешнему давлению.

Общим признаком, отмеченным нами в ходе наблюдений, является подверженность авторов всех трех изданий «фундаментальной ошибке атрибуции». Журналисты сконцентрированы на поиске виноватых, и при этом все их внимание обращено на личные качества персонажей. Авторы убеждены: чиновники поступают плохо в силу отрицательных свойств характера («потому что все чиновники коррумпированы», «чванливы» и т.п.). Крайне редко оцениваются те условия, те обстоятельства, в которых представителям государства доводится принимать решения. Итогом такого отношения становится формирование образа врага в лице власти. Как результат, у аудитории может создаваться обманчивое впечатление, что для решения тех или иных проблем достаточно сменить «плохого» чиновника на «хорошего». Однако обстоятельства, в которых вынужден действовать вновь назначенный, на которые не обращает внимания журналист (и соответственно аудитория), вынуждают назначенца действовать непопулярно. В итоге общество приходит к выводу, что «кого не назначь, толку не будет», «во власти все одинаково плохи».

Таким образом, журналисты оппозиционных изданий Кемеровской области (есть основания предполагать, что тенденция свойственна оппозиционным изданиям и в других регионах) были действительно заинтересованы не столько в трансляции качественной критической информации, сколько в дискредитации представителей власти разных уровней. Из этого следует то, что они

недостаточно приблизились к пониманию сущности социального диалога, признанию его важности. Обвиняя моновласть, авторы пользуются ее же средством – политическим монологом.

Проведенный анализ содержания материалов оппозиционных изданий Кемеровской области позволяет сделать вывод, что журналисты видели своим первоочередным долгом описание конфликтов. Тем самым активность скорее подавлялась, мотивация политического участия снижалась. Подобная критика едва ли может находить масштабный спрос настолько, чтобы хотя бы окупать издания и успешно противостоять внешнему давлению. Смещение акцента с количества информации (числа разоблаченных) на ее качество (на ответы «что делать»), как нам кажется, будет в большей мере способствовать развитию демократии, решению задач транзита.

Ссылки:

1. Зиновьев А.А. Запад. М., 2000.
2. Гельман В.Я. Из огня да в полымя: российская политика после СССР. СПб., 2013.
3. Литвинова Е. В Томской газете хотят поставить точку // Коммерсантъ. 2009. 30 март.
4. Метельский А. Оппозиционные СМИ // Родная газета. 2003. 12 сентября.
5. Сергачев Л. Я из тех людей, чей корабль всегда наготове, с вычищенными пушками / бесед. Д. Ахметова // Комсомолец Кузбасса. 2002. 20 апреля.
6. Богданов Е. Гондурасская инициатива // Комсомолец Кузбасса. 2002. 20 апреля.
7. Гордеева Т.О. Психология мотивации достижения. М., 2006.
8. Латынов В.В. Интент-анализ речи в социальном контексте // Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса / под ред. Т.Н. Ушаковой, Н.Д. Павловой. СПб., 2000.

References:

1. Zinoviev, AA 2000, *West*, Moscow.
2. Gelman, VY 2013, *Out of the frying pan into the fire: Russian politics after the USSR*, St. Petersburg.
3. Litvinova, E 2009, 'Tomsk newspaper want to put an end', *Kommersant*, March 30 .
4. Metelskiy, A 2003, 'Opposition media', *Native newspaper*, September 12.
5. Sergachev, L 2002, 'I am one of those people whose ship is always ready with guns scrubbing', *Kuzbass Komsomolets*, April 20.
6. Bogdanov, E 2002, 'Honduran initiative', *Kuzbass Komsomolets*, April 20.
7. Gordeeva, TO 2006, *Psychology of achievement motivation*, Moscow.
8. Latynov, VV 2000, 'Intent-analysis of speech in the social context', in Ushakova, TN & Pavlova, ND (ed.), *Word in action. Intent-analysis of political discourse*, St. Petersburg.